

УДК 81.1; 008:361
DOI: 10.17223/22220836/38/5

Д.И. Иванов

СПЕЦИФИКА ЦЕЛЕВЫХ ОЦЕНОЧНО-РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РОК-ПОЭТА В КОНТЕКСТЕ «ГЕРОИЧЕСКОЙ» ЭПОХИ РУССКОГО РОКА

В данной статье в рамках авторской лингвокультурологической теории моделирования когнитивно-прагматических программ (КПП) на материале русской рок-поэзии предпринимается попытка теоретического осмыслиения специфики формирования блока целевых оценочно-результативных установок, который представляет собой двухуровневую систему концептуальных фраз, состоящих из оценочно-аналитических кодов, позволяющих рок-поэту (субъекту-источнику) определять степень результативности и необходимость корректировки одной / нескольких базовых подсистем КПП при переходе на новый цикл развития КПП. Проведенное исследование позволяет выйти на качественно новый уровень понимания причин кризиса и разрушения «героической» версии эстетики русского рока на рубеже 1980–1990-х гг.

Ключевые слова: когнитивно-прагматическая программа, оценочно-результативные когнитивно-прагматические установки, синтетическая языковая личность, субъект-источник, «героическая» эпоха русского рока.

В настоящее время в современной гуманитарной науке предельную актуализацию получает синтетическая [1], полисемиотическая [2, 3], когнитивно-антропоцентрическая парадигма [4–7], объединяющая в единую, целостную систему знаний все науки, объектом которых являются язык, личность, культура. Одним из основных достоинств данной парадигмы, которую мы будем называть *метадискурсивной когнитивной гуманитарной семиотикой* [8], является поиск / разработка качественно новой комплексной методологии анализа ключевых категорий гуманитарного знания, позволяющей исследователю: а) продуктивно работать в различных семиотических (языковых / неязыковых (музыкальных, артикуляционных, имиджевых и др.)) зонах и на всех уровнях сознания личности, а именно когнитивном, концептуальном (смыслом), языковом (лексико-семантическом) и коммуникативном; б) качественно анализировать как отдельные сектора полидискурсивного социокультурного пространства субъективированной реальности, так и выходить на новый уровень обобщения и систематизации полученных результатов; в) исследовать когнитивно-ментальные индивидуальные / типовые особенности личности, актуализируя при этом сразу две основные субъектные модальности (субъект-источник – субъект-интерпретатор) [9].

Следует отметить, что процесс создания методологии синтетического типа достаточно сложный, и для его оптимизации и успешной реализации необходимо разработать ряд самостоятельных, но взаимосвязанных теорий, основанных на принципах метадисциплинарности, полисемиотичности, когнитивизма и антропоцентризма. Заметим, что первые шаги в данном направлении уже были предприняты. В настоящее время разрабатывается несколько

подобных теорий, а именно *теория синтетической языковой личности* (СЯЛ) [1], *теория субъектности текста* [10] и *теория моделирования когнитивно-прагматических программ* (КПП) [11].

Причем последняя из названных теорий является центральной, системообразующей. Это обусловлено тем, что именно КПП, формирующаяся и функционирующая в пространстве когнитивного сознания *субъекта-источника – субъекта-интерпретатора* (СЯЛ), во-первых, пронизывает все уровни системы *язык – человек (личность) – культура*, обеспечивая ее генетическую целостность. Во-вторых, выступая в качестве особой межуровневой когнитивно-ментальной связки, КПП во многом определяет специфику процесса «зеркального» взаимодействия всех уровней и компонентов данной системы. Причем каждый элемент не просто отражается в другом, а «растягивается» в нем, становится его частью. Схематично основной принцип функционирования данной системы, действие и устойчивость которого обеспечиваются спецификой КПП, можно представить в виде трех взаимосвязанных формул: а) «человек в языке» – «язык в человеке»; б) «язык в культуре» – «культура в языке»; в) «человек в культуре» – «культура в человеке».

В-третьих, КПП имеет статико-динамическую природу, сущность которой определяется двойственными характеристиками. С одной стороны, структура КПП достаточно гибкая, пластичная, проницаемая, условно открытая. Она способна трансформироваться и модернизироваться, оперативно реагируя на все изменения, происходящие как в пространстве когнитивного сознания личности, так и в языке и культуре в целом.

С другой – КПП обладает сильными защитными стабилизирующими механизмами, отвечающими за активизацию процесса селективного отбора, когнитивной перекодировки и «адаптации» всех «новых» информационных кодов разных типов, которые потенциально / реально могут войти в ее структуру и, соответственно, в пространство когнитивного сознания генератора КПП. Заметим, что эти процессы не только определяют целостность, устойчивость и продолжительность «жизненного цикла» КПП, но и обеспечивают принцип гармоничного функционирования всех когнитивных и эмоциональных структур личности.

Все это позволяет говорить о том, что КПП – это специфическая когнитивно-ментальная структура, аккумулирующая работу сознания личности, в которой в предельно сжатой, четкой, концептуальной форме отражаются и особым образом структурируются самые важные (актуальные) для конкретного носителя КПП / группы субъектов-источников / целого народа, нации (в зависимости от типа КПП [12]) компоненты когнитивной (система генетических кодов), концептуальной национально-специфической (система кодов культуры) и языковой (система знаковых единиц разных типов, отвечающих за распознавание генетических и культурных кодов) картины мира.

Подчеркнем, что КПП не является простым аналогом картины мира [13] – это скорее ее квинтэссенция, т.е. синтетическая, полисемиотическая, иерархически организованная, состоящая из четырех подсистем когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевой, самоидентификационной, инструментальной и оценочно-результативной), индивидуально-коллективная стратегия поведения субъекта, формирующаяся в пространстве когнитивного сознания в результате активизации собственно когнитивных (мыслительно-

аналитических, аксиологических), психофизиологических креативных, интерпретационных и других операций личности.

Итак, мы определили, что структура КПП состоит из четырех взаимосвязанных подсистем КПУ. Несмотря на то, что каждая подсистема играет важную роль в процессе моделирования КПП и занимает фиксированное место в ее структуре, с уверенностью можно говорить о том, что подсистема оценочно-результативных КПУ обладает особым статусом. Во-первых, состоя из двух взаимодействующих между собой блоков КПУ (концептуального и резюмирующего), она не просто условно завершает первый цикл развития КПП, но пронизывает всю ее структуру (подсистемы целевых, самоидентификационных и инструментальных КПУ).

Во-вторых, функциональные особенности этой подсистемы основаны на реализации самоаналитических (субъект-источник) / аналитических (субъект-интерпретатор) интенций личности, определяющих не только специфику формирования отдельных когнитивных компетенций (гибкость и реалистичность мышления, осознание ответственности (внутренний локус контроля) и т.д.) [14. С. 106], но и регулирующих процесс когнитивного роста личности креативного субъекта в целом.

В данном контексте речь идет о формировании и развитии в сознании генератора КПП особых «метакогнитивных структур» [15], под которыми понимается «знание о самом себе как познающем субъекте и регуляция собственного познания» [14. С. 106]. Заметим, что способность субъекта-источника к рефлексивным операциям, являющимся «важнейшим компонентом структуры самопознания, и представляющим собой совокупность психических актов, в основе которых лежит осознание личностью содержания и характеристик собственных мыслительных процессов личности» [16. С. 38], растет по мере приобретения и накопления особого «когнитивного опыта» [15].

Одновременно с этим рост опыта существенно повышает уровень «метакогнитивного контроля» [15], отвечающего за качество проводимых субъектом-источником / субъектом-интерпретатором аналитических операций, направленных на «сканирование» всех уровней и подсистем КПП, с целью определения степени их актуальности, функциональной эффективности и корректности концептуального содержания в рамках моделирования следующего цикла своей когнитивной программы.

Таким образом, в самом общем виде подсистема оценочно-результативных КПУ представляет собой двухуровневую систему специфических концептуальных фраз [17] (вербальный компонент) / полисемиотических концептуальных кодов (имиджевых, графических, декорационных, аудиальных и т.д.), пронизывающих все подсистемы КПП и фиксирующих в своей структуре результат оценочно-аналитических / самоаналитических операций субъекта-источника / субъекта-интерпретатора.

Отдельно необходимо сказать о том, что блок концептуальных оценочно-результативных КПУ занимает в структуре КПП особое место. Он пронизывает всю структуру КПП, так как формируется на основе базовых подсистем КПУ (целевой, самоидентификационной и оценочной).

Исходя из этого, можно построить общую схему моделирования блока концептуальных оценочно-результативных установок. Она включает в себя несколько основных этапов:

1. Моделирование в сознании субъекта-источника своеобразного прототипа («идеального» образа) базовой КПУ.
2. Формирование базовой подсистемы КПУ и внедрение ее в структуру КПП.
3. Процесс первичного анализа / оценки субъектом-источником / субъектом-интерпретатором концептуального содержания базовой КПУ. В данном случае речь идет об определении степени соответствия между «идеальным» образом (концептуальным проектом) базовой КПУ и ее формальной реализацией в пространстве КПП. На этом этапе генератор КПП определяет, насколько та или иная базовая КПП является: а) актуальной (для себя самого, для субъекта-интерпретатора, для постоянно обновляющейся социокультурной среды); б) корректной (насколько ее концептуальное содержание гармонизировано с другими базовыми подсистемами КПУ).
4. Обработка результатов анализа, формирование и формализация (в определенной знаковой форме) концептуальной оценочно-результативной КПУ.

На этом этапе процесс моделирования данной подсистемы КПУ не завершается. Дело в том, что после формирования всех блоков концептуальных оценочно-результативных КПУ (целевых, самоидентификационных и инструментальных) в сознании субъекта-источника активизируется второй этап анализа базовых подсистем КПУ. Сущность этого процесса сводится к обобщению концептуального содержания всех частных оценочно-результативных КПУ с последующей систематизацией полученных данных. На основе этих операций формируется блок обобщающих, резюмирующих оценочно-результативных КПУ, определяющих уровень общей «жизнеспособности» КПП и специфику ее трансформации при переходе от одного цикла моделирования к другому.

Из этого следует, что система концептуальных оценочно-результативных КПУ – это своеобразная система аналитических кодов, составляющая основу для моделирования блока резюмирующих оценочно-результативных КПУ и определяющая уровень «результативности», актуальности всех базовых подсистем КПУ, а в случае необходимости – специфику механизмов их концептуальной перекодировки.

В рамках данной статьи на материале русской рок-культуры 1980-х гг. мы более подробно рассмотрим особенности моделирования блока целевых концептуальных оценочно-результативных КПУ.

Прежде всего отметим, что этот тип КПУ формируется на основе базовой подсистемы целевых установок, которая рассматривается нами, во-первых, как «когнитивно-ментальный элемент, аккумулирующий все когнитивные процессы сознания / самосознания; во-вторых, как свойственная каждой личности первопотребность, трансформация которой определяет специфику когнитивного роста человека» [18. С. 101].

«Героическая эпоха» [19] русского рока (середина 1980-х – 1991-й г.), выбрана нами в качестве материала анализа не случайно. Дело в том, что именно в этот период происходит кардинальная трансформация эстетической платформы отечественного рока. Это связано с переходом рок-искусства от субкультурных («ученических», созерцательных, дистанцированных, изолированных от внешнего мира) форм существования к контракультуре (открытому противостоянию, борьбе за свободу, разрушению тоталитарных принципов по-

давления личности и стереотипных форм мышления). И. Кормильцев и О. Сурова справедливо замечают: «Если субкультуру отличает эскепистская позиция, то контркультура агрессивна, она борется до победного конца. Поэтому важнейшим приобретением эстетической системы контркультуры, по сравнению с субкультурной моделью, оказывается образ врага. Этот образ эстетически значим и несет большую концептуальную нагрузку» [20. С. 34].

В этих условиях начинает формироваться особый, общий для всех ведущих представителей русского рока (В. Цоя, К. Кинчева, Ю. Шевчука, В. Бутусова, Б. Гребенщикова, Д. Ревякина и др.) когнитивный проект базовой подсистемы целевых КПУ. Он включает в себя несколько компонентов: а) собственно целевые ориентиры; б) конкретный объект противостояния; в) определенные способы борьбы с «противником».

Следует обратить внимание на то, что в этом «целевом проекте» в скрытой, концептуальной форме фиксируются все базовые подсистемы будущей КПП. Например, на базе компонента «объект противостояния» на основе процесса дистанцирования от своего «оппонента» впоследствии моделируется базовая подсистема самоидентификационных КПУ, а «способы борьбы, противостояния» есть не что иное, как базовое основание для моделирования инструментально-операциональной подсистемы КПУ. Все это еще раз подтверждает, во-первых, особый статус подсистемы целевых КПУ, а во-вторых, особую целостность, иерархичность всей структуры КПП.

Итак, в максимально обобщенном виде схему «целевого проекта» КПП «героического» типа можно представить так. *Целевые ориентиры*: конструктивная борьба за свободу личности, творчества; возрождение национальной идеи и утраченных в советское время христианских, исконно русских идеалов; сакрализация поэтического языка. *Объект противостояния*: государственная тоталитарная машина подавления личности. *Способы борьбы с противником*: сакрализованное поэтическое Слово, несущее человеку освобождение и истину.

Далее на базе этого проекта в сознании рок-поэтов начинает формироваться единая для всех базовая подсистема целевых КПУ, при этом вариативной является только акцентологическая составляющая, отвечающая за степень приоритетности той или иной целевой КПУ. На наш взгляд, ключевыми в контексте «героической эпохи» русского рока являются следующие КПУ: а) *борьба за свободу* («Время менять имена! / Настало время менять! / Лица слуг сальны! / Лица слуг сальны! / Жир сердец! / Разве это начало нового дня?..» [21]; «Нелепо искать глаза / Сквозь стекла солнцезащитных очков, / Но ночь обостряет зрение / Хищников и котов. / Это все-таки шанс. / Остаться сытым или живым. / Здесь каждому разрешено / Стать первым или вторым. / Воздух... / Мне нужен воздух» [22]); б) *сакрализация поэтического языка (Слова-логоса)*, открывающего человеку истинный смысл бытия («Конечно, это явно не все в перечне достойных имен, / Кто сумел наполнить сердца болью струн» [23]; «Тут дело не ново – словить это Слово / Ты снова, и снова, и снова лови. / Тут дело простое – нет тех, кто не стоит, / Нет тех, кто не стоит любви <...> Но все впереди, а пока еще рано, / И сердце в груди не нашло свою рану, / Чтоб в исповеди быть с любовью на равных / И дар русской речи сберечь» [24]); в) *возрождение русской национальной идеи, основанной на принципах христианской веры, любви, патриотизме и силе рус-*

ского характера («И лишь в гримерке церкви пустота, в тиши да в ладане, / Где высота да простота, где баррикады ада нет. / Она горела в вышине, без дыма пламени. / Я на колени тоже встал, коснувшись этого единственного знамени» [25]; «Родина. Еду я на родину, / Пусть кричат – уродина, / А она нам нравится, / Спящая красавица...» [26]; «Вы снимали с дерева стружку. / Мы пускали корни по новой. / Вы швыряли медную полушку / Да мимо нашей шапки терновой. / А наши беды вам и не снились. / Наши думы вам не икнулись. / Вы б наверняка подавились. / А мы – да ничего, облизнулись!» [27]).

С развитием контркультуры существенно возрастает (усиливается) ее деструктивный пафос, разрушительную энергию которого рок-поэты начинают ощущать на самих себе. Дело в том, что контркультурный период, который «с легкой руки журналистов часто называют „героическими восьмидесятыми“, длился недолго и носил скорее деструктивный, нежели созидательный характер. Режим, с которым воевал „рок на баррикадах“, оказался колоссом на глиняных ногах, пугающим призраком, который, как сказочное чудовище, испустил дух, едва на него упал первый солнечный луч. К тому моменту, когда сложилась воинствующая рок-контркультура, воевать, по сути, было уже не с кем» [20. С. 28].

В связи с этим в сознании генераторов КПП «героического» типа возникает острая необходимость проведения анализа продуктивности, корректности и функциональной эффективности базовой подсистемы целевых КПУ. Рассмотрим этот процесс более подробно.

Базовая целевая КПУ *борьба за свободу* в процессе моделирования КПП трансформируется и дестабилизируется, постепенно утрачивая свою конструктивную, созидательную энергетику. Борьба за свободу личности, совести, творчества превращается в борьбу за победу: «А мы пахали скромно. Ведал / Делами нашими покой. / Нам ни к чему была Победа, / Ведь мы не бредили войной. / Но ослепительно красива / Победа знойная была – / Не устояли, пригласили, / Но вслед за ней вползла Беда» [28].

При этом уже не совсем понятно, о победе над кем или чем идет речь. Объект противостояния не определен. Метафизический бунт – война, развязанная рок-героями в середине восьмидесятых годов ХХ в., становится бесконечной и бессмысленной. Это война ради самой войны, победить в ней невозможно. В результате концептуальное содежание понятия «победа» овеществляется, определяется и наполняется новыми смыслами. Победить на бессмысленной войне значит умереть, раствориться в пустоте и исчезнуть: «Мы крови выпили три моря, / Мы все пожрали, что могли, / Победа пела на просторе / Лихие песенки свои. / Победа вкусно побеждала, / Беда солила, как могла. / Нас за Победу столько пало, / Нас за Победу сдохла тьма» [Там же].

Это закономерно приводит к тому, что постепенно в сознании рок-поэтов борьба за победу превращается в борьбу за выживание. Причем процесс этот основан на безуспешных попытках остановить духовное саморазрушение. В результате на основе базовой конструктивной целевой КПУ *борьба за свободу* формируется деструктивная целевая оценочно-результативная КПУ, указывающая на то, что данная цель так и осталась нереализованной: «Но кончен бой, Победа, сонно / Зевая, подалась домой. / А мы остались изумлен-

но / Победу праздновать / С Бедой, / С Бедой, / С Бедой» [28]; «А Элвис – вымышенный герой, а битлов почти не осталось, / Да и то – линяльными фотками на стене. / Свобода накрыла нас с головой, и нам казалось, что все со-стоялось, / Но мы проиграли в этой войне» [29].

Нечто подобное происходит и со второй базовой целевой КПУ *сакрализация поэтического языка (Слова-логоса), открывающего человеку истинный смысл бытия*. Действительно, в «целевом проекте» представителей русского рока одно из центральных мест занимает стремление проникнуть в тайны поэтического языка, постичь всю его глубину и наделить звучащее со сцены Слово исцеляющими, исповедальными смыслами. Здесь достаточно вспомнить имена А. Башлачева и Д. Ревякина, творческое наследие которых по праву считается не только вершинами поэтической культуры русского рока, но и занимает особое место в истории русской литературы XX в. [30].

Однако стоит обратить внимание на одну интересную деталь. Дело в том, что стремление овладеть «магией языка» [31] в пространстве контркультурной эпохи русского рока достаточно быстро подменяется желанием завладеть сознанием масс, т.е. стать голосом и совестью поколения. В результате слово превращается в инструмент манипуляции сознанием слушателя-зрителя (субъекта-интерпретатора), а сам рок-поэт приобретает статус пророка, идола и становится объектом слепого поклонения. В этих условиях происходит кардинальная трансформация смыслового и формального качества стиха. Его форма предельно упрощается и превращается в лозунг, призыв. Приведем несколько примеров: «Мое поколение молчит по углам. / Мое поколение не смеет петь. / Мое поколение чувствует боль, / Но снова ставит себя под плеть. / Мое поколение смотрит вниз. / Мое поколение боится дня. / Мое поколение пестует ночь. / А по утрам ест себя» [32]; «Это наш день, мы узнали его по расположению звезд, / Знаки огня и воды, взгляды богов. / И вот мы делаем шаг на недостроенный мост, / Мы поверили звездам, и каждый кричит: „Я готов!“ / Попробуй спеть вместе со мной, вставай рядом со мной... / Попробуй спеть вместе со мной, вставай рядом со мной...» [33].

Важно, что процесс упрощения формы стиха достаточно часто сопровождается стереотипизацией и даже овеществлением его концептуального содержания. По-видимому, это закономерный процесс, обусловленный стремлением сделать его максимально доступным для восприятия и понимания. Этот приводит к парадоксальной ситуации: с одной стороны, рок-героям, путем унификации поэтического языка, удалось максимально популяризировать свои тексты и превратить их в мощный инструмент управления массовым сознанием. С другой стороны, они утратили свой конструктивный, созидательный заряд. Глубина содержания была подменена простотой формы, что зачастую приводило к ситуации неразличения текста рок-композиции и текста политической агитации [19].

В результате на закате «героической эпохи» рок-поэты начинают осознавать: то, о чем и как они хотели петь (в рамках «целевого проекта» героической КПП), существенно отличается от того, что получилось в действительности. Это общее для всех представителей рок-искусства ощущение достаточно точно и емко сформулировал Б. Гребенщиков: «Сколько мы не пели – все равно, что, молчали, / Поэтому мертвой стала наша живая вода» [34]. По нашему мнению, именно эту концептуальную фразу можно назвать

целевой оценочно-результативной КПУ, подтверждающей тот факт, что базовая целевая установка на сакрализацию поэтического языка так и осталась до конца нереализованной.

Отдельно необходимо сказать о том, что продуктивность реализации последней базовой целевой КПУ *возрождение русской национальной идеи, основанной на принципах христианской веры, любви, патриотизме и силе русского характера*, представляется весьма сомнительной. Оказавшись втянутыми в водоворот бессмысленной и бесконечной войны на самоуничтожение (борьба за свободу – духовное опустошение – борьба за выживание) и подменив путь сакрализации поэтического языка процессом популяризации деструктивной по своей природе контркультурной эстетики, рок-поэты не смогли преодолеть внутренних, основополагающих противоречий русской души, основанных на иррациональном принципе единства и борьбы противоположных начал (добра и зла, веры и безверия, смелости, храбрости и жестокости и т.д.) [35]. В качестве иллюстрации этого тезиса можно привести характерную цитату из композиции К. Кинчева «Душа», посвященной А. Башлачеву: «Так и бродят по Руси нераскаянные блики / Тех, что Духом не смогли душу обуздать, / Что пасли самих себя, в зеркалах узрев великих / Да пытались ветку-жизнь под себя ломать» [36].

Это приводит к тому, что концептуальное содержание практически всех ключевых, структурообразующих для этой целевой КПУ понятий дискредитируется и овеществляется (определяется). Начнем с того, что сама душа – основной источник жизненной, духовной силы рок-поэта, переполняется деструктивной энергетикой тотального бунта и утрачивает способность создавать и воспринимать прекрасное. Она постепенно растворяется (тонет) в омуте неразрешимых сомнений и противоречий. Не случайно в определении понятия души, предложенном К. Кинчевым, ключевой становится характеристика «мутная»: «По погосту, в белый дым, / Мутная душа гуляла. / Вьюгой выла на луну, волокла крыла. / Ей подняться от земли Духа не хватало. / Больно ноша у души тяжела была» [Там же].

Возникает ситуация, при которой душа поэта уже не принадлежит ему самому. Она не просто расколота на две части, она становится «черной дырой» [37], излучающей холодный свет обреченности. При этом любой взгляд внутрь души сопровождается страхом, стыдом («Но только цепи золотые уже порваны, / Радости тебе, солнце мое! / Мы, такие чистые да гордые, / Все пели о душе, да все плевали в нее» [38]) и удивлением («Мы строили замок, а выстроили сортир. / Ошибка в проекте, но нам, как всегда, видней» [37]). Душа становится опустошенным сосудом, на дне которого рок-поэт уже не в состоянии найти способ гармонизации и выхода из воронки безысходности: «Думы мои – сумерки, / Думы – пролет окна, / Душу мою мутную / Вылакали почти до dna. / Пейте, гуляйте, вороны, / Нынче ваш день» [38].

Эти процессы ведут к трансформации концептуального содержания таких понятий, как «вера» и «любовь». Опустошенность души приводит к тому, что все действия (духовные усилия) рок-поэтов, направленные на возрождение идеалов христианской веры, превращаются в иллюзию. Не случайно именно на закате «героической эпохи» русского рока в композиции Ю. Шевчука появляются такие строки: «Я – церковь без крестов. / Лечу, раскинув руки. / Вдоль сонных берегов, / Окаменевшей муки <...> Я – церковь без кре-

стов. / Стекаю вечно в землю, / Словам ушедшим внемлю / Да пению ветров.
 / Я – память без добра. / Я – знанье без стремлений. / Остывшая звезда / Пропавших поколений. / В душе моей темно, / Наколки об изменах. / Разбитое стекло, / Истерзанные стены» [39].

Особое внимание в данном контексте необходимо обратить на первую строку («Я – церковь без крестов»), так как именно в ней в максимально емкой, концептуальной форме выражен результат духовных усилий субъекта-источника. С одной стороны, рок-поэты, следя христианской традиции, приходят к осознанию того, что храм истинной веры есть вместилище человеческого духа, т.е. сам человек («Я – церковь...»). С другой – отсутствие на этом храме креста («церковь без крестов»), символа (знака) присутствия в нем Бога и его благодати, свидетельствует о том, что храм так же пуст, как и душа рок-героя.

Однако опустошенность души рок-поэта вовсе не означает ее полное отсутствие (смерть). Она жива, но поражена («замутнена») неразрешимыми противоречиями, поэтому вера «утрачивает» свою исцеляющую силу и превращается в слепое, до конца не осознаваемое, поклонение неведомому божеству («Я – вера без причин. / Я – правда без начала. / Ты слышишь, как вскричала / Душа среди осин?» [Там же]), которое удивительным образом напоминает восхваление самих рок-музыкантов (кумиров, идолов, пророков поколения) своими фанатами («киноманами» – поклонниками группы «Кино» и В. Цоя; «алисоманами» – поклонниками группы «Алиса» и К. Кинчева и т.д.).

Итак, становится понятно, почему и эта базовая целевая установка так и осталась до конца нереализованной. Дело в том, что все действия рок-поэтов, направленные на воскрешение христианской веры, носят формальный характер и производятся автоматически. Этот факт подтверждается рядом цитат, которые не требуют особого комментария. На наш взгляд, эти фрагменты текстов можно рассматривать как особые целевые оценочно-результативные КПУ. Приведем несколько конкретных примеров. *Первая КПУ*: «Вот он я, смотри, Господи, / И ересь моя вся со мной. / Посреди болот алмазные россыпи. / Глазами в облака да в трясину ногой. / Кровью запекаемся на золоте, / Ищем у воды прощенья небес» [38] (К. Кинчев). *Вторая КПУ*: «Но только в комнатах воздух приторный, / То ли молимся, то ли блюем. / Купола в России кроют корытами, / Чтобы реже вспоминалось о Нем» [Там же] (К. Кинчев). *Третья КПУ*: «Вот стоит храм высок, да тьма под куполом. / Проглядели все глаза, да ни хрена не видать. / Я поставил бы свечу, да все свечи куплены. / Зажег бы спирт на руке – да где ж его взять?» [40] (Б. Гребенщиков). *Четвертая КПУ*: «Назолотили крестов, навтыкали, где ни попадя; / Да променяли на вино один, который был дан» [Там же] (Б. Гребенщиков). *Пятая КПУ*: «А мы хотели дать веселый знак ангелам, / Да потеряли их из виду, заметая следы; / Вот и вышло бы каждому по делам его, / Если бы не свет этой чистой звезды» [Там же] (Б. Гребенщиков).

Несмотря на это, рок-герои продолжают бесцельно бродить / метаться по опустевшим, разрушенным, покинутым Богом храмам своих душ в надежде на спасение. Единственное, что в сложившихся условиях, по их мнению, может им помочь обрести истинную веру и излечить их больные души, – любовь. Это обусловлено тем, что именно любовь, в рамках базового целевого проекта моделирования КПП героического типа, должна была стать основ-

ным источником творческого вдохновения, веры, чистоты и величия духа человека: «Прекрасная любовь, там ждут тебя живые, / Позволь себя увидеть тем, кого ведут на смерть. / Там по уши в грязи, но все же не слепые, / Дай разуму свободы, дай чувствам не истлеть. / И вот прекрасная любовь влетела птицей в город. / И плакал, видя чудо, очнувшись народ. / Трон лжи не устоял, бежал в испуге ворог... / Да жаль, погиб бродяга у городских ворот» [41].

Надежда на спасительную силу любви так и остается нереализованной, иллюзорной. Дело в том, что конструктивное (созидательное) содержание данного понятия дискредитируется. Любовь без веры существовать не может: «Там, где за четыре моря, / Нет ни радости, / Ни горя. Только тишина да гладь, / Все, как надо, хоть брось, хоть разорви. / Между строчек правду проверять. / Где нет веры, места нет любви» [42]. Именно поэтому любовь истинная (милосердная, всепрощающая) превращается в сознании рок-поэта (генератора КПП) в неосязаемый, предельно абстрактный образ, недостижимый идеал, а на ее место приходит «любовь земная» [43], пронизанная сомнениями и противоречиями. Сущность такой любви достаточно четко определил Ю. Шевчук: «Мы глотаем надежду с толченым стеклом, / Мы лепили любовь, вышла баба с веслом...» [44].

Подведем некоторые итоги. В результате проведенного анализа мы выяснили, что подсистема оценочно-результативных КПУ, формирующаяся на основе базовых (целевых, самоидентификационных, инструментальных) установок и пронизывающая всю структуру когнитивно-прагматической программы (специфической когнитивно-ментальной структуры, аккумулирующей работу сознания личности, в которой в концептуальной форме отражаются и структурируются самые важные для субъекта-источника компоненты когнитивной (система генетических кодов), концептуальной национально-специфической (система кодов культуры) и языковой (система знаковых единиц разных типов) картины мира), представляет собой двухуровневую систему концептуальных фраз, состоящих из оценочно-аналитических кодов, с помощью которых субъект-источник определяет степень результативности и необходимость корректировки одной / нескольких базовых подсистем КПУ и КПП в целом.

Кроме того, рассмотрев специфику моделирования КПП в пространстве «героической» эпохи русского рока, нам удалось определить следующее: 1) в рамках контркультурного (кризисного) этапа развития рок-культуры рок-поэты (А. Башлачев, К. Кинчев, В. Цой, Д. Ревякин, Ю. Шевчук, Б. Гребенщиков и др.) начинают создавать КПП «героического» типа; 2) в основе всех подобных программ лежит общий «целевой проект» (единая подсистема базовых целевых КПУ), которая включает в себя ряд конкретных установок (КПУ 1 – борьба за свободу; КПУ 2 – сакрализация поэтического языка, несущего людям слово надежды и истины; КПУ 3 – возрождение русской национальной идеи, основанной на принципах христианской веры, патриотизма и любви); 3) на определенном этапе моделирования КПП начинает формироваться блок целевых оценочно-результативных КПУ; 4) их анализ показал, что ни одна из базовых целевых установок так и не была реализована до конца (борьба за свободу превратилась в борьбу за выживание; сакрализованное поэтическое Слово было стереотипизировано, опред�ено, упрощено и превращено в лозунг, призыв; конструктивное концептуальное содержание по-

нятий «душа», «вера», «любовь» былонейтрализовано деструктивной энергетикой тотального саморазрушающего бунта, что закономерно привело к глубокому духовному кризису и разрушению не только романтической версии рок-эстетики, но и большинства КПП «героического» типа.

Литература

1. Иванов Д.И. Теория синтетической языковой личности : в 2 т. / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай), Guangdong University of Foreign Studies (People's Republic of China). Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности : структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). Иваново : ПресСто, 2016. 360 с.
2. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М. : Наука, 1985. 335 с.
3. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М. : Наука, 1975. 313 с.
4. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Виноградов. Москва ; Воронеж : ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 44–52.
5. Красных В.В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // XII конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и литература во времени и пространстве». Шанхай : Шанхай Пресс, 2011. Т. 2. С. 12–18.
6. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкоznании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
7. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Антропоцентристическая парадигма и теория синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11(65) : в 3 ч. Ч. 3. С. 96–100.
8. Иванов Д.И. Функциональные и типологические характеристики самоидентификационных маркеров синтетической языковой личности (на материале русского рока) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4 ч. Ч. 3. С. 123–126.
9. Иванов Д.И. Специфика функционирования системы «субъект-источник – субъект-интерпретатор» в рамках инстинктивно-импульсной фазы моделирования когнитивно-прагматической программы синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70): в 2 ч. Ч. 1. С. 98–102.
10. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Теория субъектности текста и русская поэзия XX века. Иваново : ПресСто, 2017. 336 с.
11. Иванов Д.И. Когнитивно-прагматическая программа синтетической языковой личности: общие вопросы // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 2. С. 107–111.
12. Иванов Д.И. Основные этапы формирования метанarrативной когнитивно-прагматической программы синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70): в 2 ч. Ч. 2. С. 106–109.
13. Есмурзаева Ж.Б. Понятия «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира» в современных исследованиях // Альманах современной науки и образования. 2012. № 2 (9): в 3 ч. Ч. III. С. 56–58.
14. Дударева В.Ю., Семенов И.Н. Феноменология рефлексии и направления ее изучения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 1. С. 101–120.
15. Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive developmental inquiry // American Psychologist. 1979. 34. P. 906–911.
16. Безгина Ю.Б. Современные подходы к пониманию термина «рефлексия» // Альманах современной науки и образования. 2007. № 1 (1). С. 37–41.
17. Иванов Д.И. Вербальный компонент синтетической языковой личности: специфика функционирования концептуальных фраз // Мир русского слова «МИРС». 2013. № 2. С. 19–24.
18. Иванов Д.И. Особенности моделирования системы целевых когнитивно-прагматических установок синтетической языковой личности: общие вопросы // Вестник славянских культур. 2017. Т. 4. С. 94–105.
19. Иванов Д.И. «Героическая» эпоха русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург : УрГПУ; Тверь : ТвГУ, 2007. Вып. 9. С. 44–53.

20. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь : ТвГУ, 1998. С. 5–39.
21. Кинчев К. Время менять имена. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/vremya-menyat-imena.html> (дата обращения: 09.03.2018).
22. Кинчев К. Воздух. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/vozduh.html> (дата обращения: 09.03.2018).
23. Кинчев К. Рок-н-ролл – это мы. URL: <http://lyricsworld.ru/alisa/rok-n-roll-yeto-myi-549607.html> (дата обращения: 09.03.2018).
24. Башлачев А. Тесто. URL: http://text-you.ru/rus_text_pesni/25593-aleksandr-bashlachjov-testo.html (дата обращения: 09.03.2018).
25. Шевчук Ю. Правда на правду. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/yuriy-shevchuk/pravda-na-pravdu.html> (дата обращения: 09.03.2018).
26. Шевчук Ю. Родина. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/yuriy-shevchuk/rodina.html> (дата обращения: 09.03.2018).
27. Башлачев А. Некому березу заломати. URL: http://text-you.ru/rus_text_pesni/25588-aleksandr-bashlachjov-nekomu-berjozu-zalomati.html (дата обращения: 09.03.2018).
28. Шевчук Ю. Победа. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/ddt-yuriy-shevchuk/pobeda.html> (дата обращения: 10.03.2018).
29. Макаревич А. Тем, кто ушел. URL: http://perevod-tekst-pesni.ru/andrei-makarevich/tekst-pesni_tem-kto-ushel.htm (дата обращения: 10.03.2018).
30. Доманский Ю.В. «Тексты смерти» русского рока: пособие к спецсеминару. Тверь : ТвГУ, 2000. 109 с.
31. Башлачев А. Когда мы вдвоем. URL: <http://teksty-pesenok.ru/rus-aleksandr-bashla-chyov/tekst-pesni-kogda-my-vdvoym/1726563/> (дата обращения: 10.03.2018).
32. Кинчев К. Мое поколение. URL: <http://teksty-pesenok.ru/rus-alisa-konstantin-kinchev/tekst-pesni-moe-pokolenie/1733535/> (дата обращения: 10.03.2018).
33. Цой В. Попробуй спеть вместе со мной. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/viktor-coy/poprobuy-spet-vmeste-so-mnoy.html> (дата обращения: 10.03.2018).
34. Гребеников Б. Праздник урожая во Дворце Труда. URL: <https://www.gl5.ru/akvarium-prazdnik-vo-dvorce-truda.html> (дата обращения: 09.03.2018).
35. Бердяев Н. Душа России // Судьба России: сборник статей (1914–1917). URL: http://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyaev_sudba_rossii.pdf (дата обращения: 04.03.2018).
36. Кинчев К. Душа. URL: <https://unotices.com/page-text.php?id=23981> (дата обращения: 11.03.2018).
37. Башлачев А. Черные дыры. URL: <http://teksty-pesenok.ru/rus-bashlachev-aleksandr/tekst-pesni-chernye-dyry/1748685/> (дата обращения: 11.03.2018).
38. Кинчев К. Сумерки. URL: <http://teksty-pesenok.ru/rus-alisa-konstantin-kinchev/tekst-pesni-sumerki/1733562/> (дата обращения: 11.03.2018).
39. Шевчук Ю. Я – церковь без крестов. URL: <http://teksty-pesenok.ru/rus-ddt/tekst-pesni-erkov-bez-krestov/1786706/www.lyricshare.net/ru/yuriy-shevchuk/rodina.html> (дата обращения: 10.03.2018).
40. Гребеников Б. Волки и вороны. URL: <http://lyricsworld.ru/lyrics/Akvarium-Boris-Grebenschikov/Volki-i-voronyi-10951.html> (дата обращения: 09.03.2018).
41. Шевчук Ю. Прекрасная любовь. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/ddt-yuriy-shevchuk/prekrasnaya-lyubov-accords.html> (дата обращения: 10.03.2018).
42. Кинчев К. Пересуды. URL: https://the-fasol.com/page_text.php?id=24003 (дата обращения: 09.03.2018).
43. Шевчук Ю. Я зажег в церквях все свечи. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/ddt-yuriy-shevchuk/ya-zazgeg-v-cerkvyah-vse-svechi.html> (дата обращения: 09.03.2018).
44. Шевчук Ю. Новые блокадники. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/ddt-yuriy-shevchuk/novyie-blokadniki.html> (дата обращения: 09.03.2018).

Dmitry I. Ivanov, Xi'an International Studies University (Xi'an, PRC).

E-mail: Ivan610@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2020, 38, pp. 44–58.

DOI: 10.17223/2220836/38/5

THE SPECIFICITY OF THE TARGET EVALUATIVE-EFFECTIVE COGNITIVE PRAGMATIC SETS OF THE ROCK-POET SYNTHETIC LINGUAL PERSONALITY WITHIN THE FRAMEWORK OF “HEROIC” EPOCH OF RUSSIAN ROCK MUSIC

Keywords: cognitive-pragmatic program; evaluative-effective cognitive-pragmatic sets; synthetic lingual personality; subject-source; “heroic” epoch of Russian rock music.

This article considers the try of theoretical comprehension of the specificity of the target evaluative-effective sets block in terms of the author's linguoculturological theory of cognitive-pragmatic programs (CPP) (a specific cognitive-mental structure that accumulates the work of the consciousness of the individual, in which the most important components of the cognitive (system of genetic codes) are reflected and structured in a conceptual form, the conceptual national-specific (the system of culture codes), and the linguistic (the system of sign units of different types) of the world's picture) modeling based on the Russian rock-poetry. This block represents the double-level system of conceptual phrases of evaluative-analytical codes that allow the rock-poet (subject-source) to determine the degree of effectiveness and the need to adjust one or several basic cognitive-pragmatic sets subsystems at the transition to a new cycle of the CPP development.

Within the countercultural (crisis) stage of rock culture development, rock poets (A. Bashlachev, K. Kinchev, V. Tsoi, D. Revyakin, Y. Shechchuk, B. Grebenshchikov and others) begin to create a CPP of a “heroic” type. At the basis of such programs there is a common “target project” (a single subsystem of basic target CPSs), which includes a number of specific guidelines (CPS1 – the struggle for freedom, CPS2 – the sacralization of the poetic language, which brings people the word of hope and truth; CPS3 is the revival of the Russian national idea, based on the principles of Christian faith, patriotism and love).

At a certain stage of the CPP modeling, a block of target evaluative-effective CPSs begins to be formed. The analysis showed that none of the basic targets was fully implemented (the struggle for freedom turned into a struggle for survival, the sacralized poetic Word was stereotyped, objectified, simplified and turned into a slogan, an appeal, the constructive conceptual content of the concepts of “soul”, “faith”, “love” was neutralized by the destructive energy of the total self-destructive riot), which naturally led to a deep spiritual crisis and the destruction of not only of the romantic version of rock aesthetics, but also most of the “heroic” type CPPs.

References

1. Ivanov, D.I. (2016) *Teoriya sinteticheskoy yazykovoy lichnosti: v 2 t.* [Theory of Synthetic Linguistic Personality: in 2 vols]. Ivanovo: PresSto.
2. Stepanov, Yu.S. (1985) *V trekhmernom prostranstve yazyka (Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva)* [In the three-dimensional space of the language (Semiotic problems of linguistics, philosophy, art)]. Moscow: Nauka.
3. Stepanov, Yu.S. (1975) *Metody i printsipy sovremennoy lingvistiki* [Methods and principles of modern linguistics]. Moscow: Nauka.
4. Sternin, I.A. (2002) Kommunikativnoe i kognitivnoe soznanie [Communicative and cognitive consciousness]. In: Vinogradov, V.A. (2002) *S lyubov'yu k yazyku* [With love of language]. Moscow; Voronezh: RAS. pp. 44–52.
5. Krasnykh, V.V. (2011) Osnovnye postulaty i nekotorye bazovye pomyatiya lingvokul'turologii [Basic postulates and some basic concepts of linguoculturology]. *Russkiy yazyk i literatura vo vremeni i prostranstve* [Russian language and literature in time and space]. Proc. of the 12th Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature. Vol. 2. Shanghai: Shanghai Press. pp. 12–18.
6. Vorkachev, S.G. (2001) Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept. Stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept. The Formation of the Anthropocentric Paradigm in Linguistics]. *Filologicheskie nauki – Philosophical Sciences. Scientific Essays of Higher Education.* 1. pp. 64–72.
7. Ivanov, D.I. & Lakerbay, D.L. (2016) Anthropocentric paradigm and theory of synthetic linguistic personality. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice.* 11(65). pp. 96–100. (In Russian).
8. Ivanov, D.I. (2017a) Functional and typological characteristics of self-identification markers of the synthetic linguistic personality (by the material of the Russian rock). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice.* 12(78). pp. 123–126. (In Russian).
9. Ivanov, D.I. (2017b) Specifics of system “subject-source - subject-interpreter” functioning during the instinctive impulse stage of modeling cognitive-pragmatic programme of synthetic linguistic personality. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice.* 4(70). pp. 98–102. (In Russian).

10. Ivanov, D.I. & Lakerbay, D.L. (2017) *Teoriya sub"ektnosti teksta i russkaya poeziya XX veka* [Theory of subjectivity of the text and Russian poetry of the twentieth century]. Ivanovo: PresSto.
11. Ivanov, D.I. (2016) Cognitive-pragmatic program of synthetic language personality: general issues. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 12(66). pp. 107–111. (In Russian).
12. Ivanov, D.I. (2017) The basic stages of forming meta-narrative cognitive-pragmatic programme of synthetic linguistic personality. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 4(70). pp. 106–109. (In Russian).
13. Esmurzaeva, Zh.B. (2012) Ponyatiya “yazykovaya kartina mira” i “kontseptual’naya kartina mira” v sovremennykh issledovaniyah [The concepts of “linguistic picture of the world” and “conceptual picture of the world” in modern research]. *Al’manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*. 2(9). pp. 56–58.
14. Dudareva, V.Yu. & Semenov, I.N. (2008) Phenomenology of Reflection and its Investigation in Modern Foreign Psychology. *Psichologiya. Zhurnal Vysshay shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 5(1). pp. 101–120. (In Russian).
15. Flavell, J.H. (1979) Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive developmental inquiry. *American Psychologist*. 34. pp. 906–911. DOI: 10.1037/0003-066X.34.10.906
16. Bezgina, Yu.B. (2007) Covremennye podkhody k ponimaniyu termina “refleksiya” [Modern approaches to understanding ‘reflection’]. *Al’manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*. 1(1). pp. 37–41.
17. Ivanov, D.I. (2013) Verbal Component of the Synthetic Language Personality: the Specifics of Functioning of Conceptual Phrases. *Mir russkogo slova “MIRS” – The World of the Russian Word Journal*. 2. pp. 19–24. (In Russian).
18. Ivanov, D.I. (2017) Osobennosti modelirovaniya sistemy tselevykh kognitivno-pragmatischeskikh ustanovok sinteticheskoy yazykovoy lichnosti: obshchie voprosy [Features of modeling the system of target cognitive-pragmatic settings of a synthetic language personality: general issues]. *Vestnik slavyanskikh kul’tur – Bulletin of Slavic Cultures*. 4. pp. 94–105.
19. Ivanov, D.I. (2007) “Geroicheskaya” epokha russkogo roka [“Heroic” era of Russian rock]. In: Domansky, Yu. (ed.) *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian Rock Poetry: Text and Context]. Issue 9. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; Tver: Tver State University. pp. 44–53.
20. Kormiltsev, I. & Surova, O. (1998) Rok-poeziya v russkoy kul’ture: vozniknovenie, bytovanie, evolyutsiya [Rock poetry in Russian culture: Emergence, existence, evolution]. In: Domansky, Yu. (ed.) *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian Rock Poetry: Text and Context]. Tver: Tver State University. pp. 5–39.
21. Kinchev, K. (n.d.) *Vremya menyat imena* [Time to change names]. [Online] Available from: <http://www.lyricsshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/vremya-menyat-imena.html> (Accessed: 9th March 2018).
22. Kinchev, K. (n.d.) *Vozdukh* [Air]. [Online] Available from: <http://www.lyricsshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/vozduh.html> (Accessed: 9th March 2018).
23. Kinchev, K. (n.d.) *Rok-n-roll – eto my* [Rock and roll is us]. [Online] Available from: <http://lyricsworld.ru/alisa/rok-n-roll-yeto-myi-549607.html> (Accessed: 9th March 2018).
24. Bashlachev, A. (n.d.) *Testo* [Dough]. [Online] Available from: http://text-you.ru/rus_text_pesni/25593-aleksandr-bashlachjov-testo.html (Accessed: 9th March 2018).
25. Shevchuk, Yu. (n.d.) *Pravda na pravdu* [Truth to the truth]. [Online] Available from: <http://www.lyricsshare.net/ru/yuriy-shevchuk/pravda-na-pravdu.html> (Accessed: 9th March 2018).
26. Shevchuk, Yu. (n.d.) *Rodina* [Motherland]. [Online] Available from: <http://www.lyricsshare.net/ru/yuriy-shevchuk/rodina.html> (Accessed: 9th March 2018).
27. Bashlachev, A. (n.d.) *Nekomu berezu zalomati* [There is nobody to break a birch]. [Online] Available from: http://text-you.ru/rus_text_pesni/25588-aleksandr-bashlachjov-nekomu-berjozu-zalomati.html (Accessed: 9th March 2018).
28. Shevchuk, Yu. (n.d.) *Pobeda* [Victory]. [Online] Available from: <http://www.lyricsshare.net/ru/ddt-yuriy-shevchuk/pobeda.html> (Accessed: 10th March 2018).
29. Makarevich, A. (n.d.) *Tem, kto ushel* [To those who have gone]. [Online] Available from: http://perevod-tekst-pesni.ru/andrei-makarevich/tekst-pesni_tem-kto-ushel.htm (Accessed: 10th March 2018).
30. Domansky, Yu.V. (2000) *“Teksty smerti” russkogo roka* [“Death texts” of Russian rock]. Tver: Tver State University.

31. Bashlachev, A. (n.d.) *Kogda my vdvoem* [When we are together]. [Online] Available from: <http://teksty-pesenok.ru/rus-aleksandr-bashlachyov/tekst-pesni-kogda-my-vdvoyom/1726563/> (Accessed: 10th March 2018).
32. Kinchev, K. (n.d.) *Moe pokolenie* [My generation]. [Online] Available from: <http://teksty-pesenok.ru/rus-alisa-konstantin-kinchev/tekst-pesni-moe-pokolenie/1733535/> (Accessed: 10th March 2018).
33. Tsoi, V. (n.d.) *Poprobuy spet' v mestе so mnoy* [Try to sing with me]. [Online] Available from: <http://www.lyricshare.net/ru/viktor-coy/poprobuy-spet-vmeste-so-mnoy.html> (Accessed: 10th March 2018).
34. Grebenshchikov, B. (n.d.) *Prazdnik urozhaya vo Dvortse Truda* [Harvest Festival at the Palace of Labor]. [Online] Available from: <https://www.g15.ru/akvarium-prazdnik-vo-dvorce-truda.html> (Accessed: 9th March 2018).
35. Berdyaev, N. (n.d.) *Sud'ba Rossii. Sbornik statey (1914–1917)* [The Fate of Russia. Collected Articles (1914–1917)]. [Online] Available from: http://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyaev_sudba_rossii.pdf (Accessed: 4th March 2018).
36. Kinchev, K. (n.d.) *Dusha* [Soul]. [Online] Available from: <https://unotices.com/page-text.php?id=23981> (Accessed: 11th March 2018).
37. Bashlachev, A. (n.d.) *Chernye dyry* [Black Holes]. [Online] Available from: <http://teksty-pesenok.ru/rus-bashlachev-aleksandr/tekst-pesni-chernye-dyry/1748685/> (Accessed: 11th March 2018).
38. Kinchev, K. (n.d.) *Sumerki* [Twilight]. [Online] Available from: <http://teksty-pesenok.ru/rus-alisa-konstantin-kinchev/tekst-pesni-sumerki/1733562/> (Accessed: 11th March 2018).
39. Shevchuk, Yu. (n.d.) *Ya – tserkov' bez krestov* [I am a church without crosses]. [Online] Available from: <http://teksty-pesenok.ru/rus-ddt/tekst-pesni-cerkov-bez-krestov/1786706/www.lyricsshare.net/ru/yuriy-shevchuk/rodina.html> (Accessed: 10th March 2018).
40. Grebenshchikov, B. (n.d.) *Volki i vorony* [Wolves and ravens]. [Online] Available from: <http://lyricsworld.ru/lyrics/Akvarium-Boris-Grebenschikov/Volki-i-voronyi-10951.html> (Accessed: 9th March 2018).
41. Shevchuk, Yu. (n.d.) *Prekrasnaya lyubov'* [Beautiful love]. [Online] Available from: <http://www.lyricshare.net/ru/ddt-yuriy-shevchuk/prekrasnaya-lyubov-accords.html> (Accessed: 10th March 2018).
42. Kinchev, K. (n.d.) *Peresudy* [Gossip]. [Online] Available from: https://the-fasol.com/page_text.php?id=24003 (data obrashche-niya: 9th March 2018).
43. Shevchuk, Yu. (n.d.) *Ya zazheg v tserkvyakh vse svechi* [I lit all the candles in the churches]. [Online] Available from: <http://www.lyricshare.net/ru/ddt-yuriy-shevchuk/ya-zazgeg-v-cerkvyah-vse-svechi.html> (Accessed: 9th March 2018).
44. Shevchuk, Yu. (n.d.) *Noyye blokadniki* [New siege survivors]. [Online] Available from: <http://www.lyricshare.net/ru/ddt-yuriy-shevchuk/novyie-blokadniki.html> (Accessed: 9th March 2018).